

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ РОДСТВА

(К 80-летию выхода в свет книги Л.-Г. Моргана «Древнее общество»)

Проблемы, связанные с изучением систем родства, привлекли к себе внимание этнографов лишь со времени появления исследования Л.-Г. Моргана «Системы родства и свойства человеческой семьи». В этой фундаментальной работе собран большой материал о различных системах родства; она открыла новую область этнографии.

Правда, еще задолго до Моргана многие этнографы, изучая обычаи и языки народов разных стран, обращали внимание на своеобразие терминологии родства. Так, например, в одной старинной грамматике XVII в. сохранилось описание системы родства баконго, которое является, по-видимому, первым по времени описанием системы родства народов банту и дает много материала для суждения о развитии системы родства этого народа за 300 лет. Вероятно, при тщательном изучении лингвистических и этнографических материалов можно найти и другие примеры записей системы родства, составленных задолго до Моргана, но, несомненно, именно ему принадлежит честь введения в науку нового объекта исследования.

В 1957 г. исполнилось 80 лет со дня выхода в свет обобщающего исследования Моргана «Древнее общество», где на основе изучения систем родства дана картина развития семьи и рода. Книга эта, высоко оцененная Марксом и Энгельсом, явилась поворотным пунктом в истории этнографии. С того же времени проблемы, связанные с изучением систем родства, стали оживленно обсуждаться; литература по этим вопросам очень обширна.

Несомненной заслугой Моргана в деле изучения систем родства было то, что он показал значение систем родства как первоклассного исторического источника. В самом деле, уже одно то обстоятельство, что система родства ирокезов — так называемая дакотская система — совпадает с системой родства дравидов Южной Индии, указывает на наличие каких-то закономерных процессов, в результате которых эти терминологически абсолютно различные системы оказались тождественными. Очевидно, породившие их общественные условия были одинаковы.

Замечательное единообразие нескольких типов систем родства, распространенных в разных частях земного шара, позволило Моргану положить системы родства в основу реконструкции некоторых сторон истории развития человеческого общества и на основании их восстановить пройденные этапы истории семьи. Основной мыслью Моргана было признание тесной связи системы родства с общественным устройством.

Мы теперь знаем, что не все положения Моргана оказались бесспорными, но именно эта основная мысль о связи определенного типа системы родства с социальным строем является правильной. В самом деле, дальнейшее изучение систем родства уже после Моргана показало, например, что среди разных типов этих систем имеются варианты, известные теперь в этнографической литературе под названием систем типа «омаха». Отмеченная впервые еще Морганом, позднее подробно описанная Дорсеем на примере индейского племени омаха, система эта была обнаружена и в других частях земного шара. Индейцы омаха, т. е. те индейцы, которые создавали эту номенклатуру 200, 300 лет и более назад, жили в условиях отцовского рода патрилокальными поселениями и вели счет родства по линии отца. В их системе родства встречаются определенные своеобразные черты, а именно — выделение линии брата матери и всех его потомков особыми терминами. Соответственно линия сестры отца и всех ее потомков также обособляется и считается младшей по сравнению с первой. Здесь нет возможности входить в рассмотрение всех деталей этой терминологии, но замечательно, что те же черты встречаются в системах родства не только у различных племен Северной Америки, но и у арауканцев в Южной Америке, у многих племен и народов Юго-Восточной Азии (у ангами нага, ао нага и др.), в Восточной Африке (у бари, ланго, нанди и других), у группы племен шона и т. д. Во всех этих случаях все племена и народности, пользующиеся этой терминологией родства, имеют или имели в прошлом отцовский род, патрилинейность и патрилокальность. Что перед нами явление закономерное, а не какая-нибудь случайность, несомненно. В этом можно убедиться на примере другого типа системы родства — системы «кроу».

Система эта, впервые описанная у кроу, встречается у некоторых племен североамериканских индейцев — чокта, кри, чироков и др. В системе родства этих племен были отмечены своеобразные черты, прямо противоположные системе типа «омаха». Вся линия брата матери и его потомков считалась младшей по отношению к линии сестры отца. Соответственно этому обе линии этих групп родственников выделялись особыми терминами и некоторыми, характерными только для этой системы, чертами номенклатуры родства. Все племена, имевшие систему родства типа «кроу», были в прошлом матрилинейны и матрилокальны. По мере накопления новых данных эта система родства (точнее — этот тип системы родства) была обнаружена как в Южной Америке, так и в Западной Африке и во всех случаях только среди племен или народностей, имеющих материнский род с присущими ему чертами: матрилинейностью и матрилокальностью¹. Эти примеры показывают, что системы родства действительно отражают определенные формы общественной организации и не являются игрой случая.

80 лет, прошедших со времени появления работы Моргана, были полны ожесточенной борьбы вокруг его основных положений, в частности относительно значения систем родства. В этой полемике отчетливо выявились различные направления. Стараясь опровергнуть основные положения Моргана, многие американские и английские этнографы хотели доказать, что системы родства не связаны с общественным устройством, не отражают реальных общественных отношений и, таким образом, не могут быть основанием для восстановления форм развития семьи и общества. Наиболее известны в этом отношении взгляды Кребера, который отрицал какую бы то ни было логичность терминологий родства. По его мнению, они выражают лишь различные категории отношений, не составляя в целом какой-либо системы. Терминологии родства отражают только психологию и опре-

¹ О системах родства типа «омаха» и «кроу» литература довольно обширна. Перечни примеров у Мердока могут быть дополнены (См. G. P. Murdock, *Social Structure*, N. Y., 1949).

деляются исключительно языком. На основании их анализа нельзя делать каких-либо социологических выводов, и, сравнивая системы между собою, мы можем лишь устанавливать, какие из них выражают те или иные категории отношений².

В противоположность Креберу, Роберт Лоуи не отрицает того, что системы родства являются отражением общественных отношений, но, по его мнению, историю развития общества восстановить невозможно. Поэтому вполне естественно, что все заключения Лоуи имеют частный характер: он отмечает, что на системы родства оказывали влияние отдельные элементы социального строя, отдельные институты (вроде, например, левирата или сорората), которые в той или иной степени обусловили симметричность дакотской системы родства, и т. п.

Здесь нет возможности и необходимости касаться взглядов других ученых, отрицавших возможность на основании систем родства восстановить историю развития общества. К ним относятся: Эндрью Лэнг с его теорией геральдического происхождения номенклатуры родства, Кунов, видевший в терминологии родства указания на поколения, австраловед Томас, видевший в ней не выражение брачных отношений и кровного родства, а как бы указание на общественное положение индивидуума, и т. п. Тем самым они возражали против основной мысли Моргана, которую и Маркс, и Энгельс считали весьма ценной, а именно — что системы родства отражают формы развития общества или, точнее, семейно-брачных отношений, присущих данному обществу.

Критика положений Моргана в первой четверти XX в. облегчалась тем, что сторонники Моргана, отстаивая его теории, пошли по неправильному пути. Пытаясь объяснить все затруднительные случаи при истолковании той или иной терминологии родства, они начали конструировать различные типы аномальных браков, якобы существовавших в данном обществе. Здесь я имею в виду случаи, когда лица разных поколений в терминологии родства имеют одинаковые названия (как, например, дед и внук, бабушка и внучка), когда лица, отделенные друг от друга двумя-тремя поколениями, имеют право вольного обращения друг с другом и даже называют друг друга мужем и женой. Все эти случаи являются пережитками системы брачных классов и, по моему мнению, системы кольцевой связи родов, имеющей в своей основе гильдюкую фратрию³. Таким образом, они получают свое объяснение, но довольно сложным путем. Между тем сторонники Моргана, вроде занимавшегося этнологией немецкого юриста Иозефа Колера, английского этнолога Риверса и англичанки Брэнды Зеллигманн, слишком буквально истолковывали все эти факты и считали возможным говорить о геронтократии, в силу которой деды и прадеды всегда женились на своих внучках и правнучках, а бабушки и прабабушки брали себе в мужья своих внуков и правнуков. Подобных нелепых, иногда чудовищных типов брака было придумано немало, и неудивительно, что такой метод защиты положений Моргана только дискредитировал его взгляды и облегчал критику его противникам⁴.

Советские исследователи, изучавшие проблемы, возникающие при исследовании систем родства и анализе его терминологии, исходили из

² См.: A. L. Kroeber, *Classificatory Systems of Relationship*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. XXIX, 1909, стр. 77—84. Изложение и дополнение взглядов Кребера см.: А. Н. Максимов, *Системы родства*, «Этнографическое обозрение», 1909, № 4, стр. 79—83.

³ См. Д. А. Ольдерогге, *Кольцевая связь родов, или трехродовой союз (gens triplex)*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. I, 1946; его же, *Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии*, «Сов. этнография», 1946, № 4.

⁴ См.: J. Kohler, *Zur Geschichte der Ehe, Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht*, Stuttgart, 1897 («Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», т. XII, и отд. издание); W. H. Rivers, *Kinship and Social Organisation*, London, 1914; его же, *The History of Melanesian Society* (2 тома), Cambridge, 1914; Brenda Seligman, *The Marital Gerontocracy in Africa*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. 192.

основного положения Моргана о связи классификационных систем родства с общественной организацией первобытной общины. Считая, что система родства отражает нормы семейно-брачных отношений, существующих в данном обществе, они усматривают в системе родства один из видов исторических источников. Это очень ясно высказал С. А. Токарев в своем исследовании, посвященном системам родства у австралийцев, где он писал: «В спорах по этому вопросу (о первобытных формах брачно-семейных отношений.— Д. О.) значительную роль играют обычно так называемые классифицирующие системы обозначений родства, впервые научно описанные и использованные в данном отношении Морганом. За или против Моргана — под этими лозунгами и идет поэтому до сих пор борьба»⁵. Говоря о логической ошибке, допускавшейся многими исследователями систем родства (как сторонниками Моргана, так и его противниками), С. А. Токарев очень тонко отметил, что, утверждая групповое значение терминов родства, они объясняют его происхождение как результат логического расширения индивидуального значения термина.

Другой исследователь, Е. Ю. Кричевский, также изучавший австралийские системы родства, пришел к выводу, что в основе их лежали «формы дуальной брачно-классовой организации с ее характерным перекрестно-двоюродным групповым браком»⁶. Не входя в детальное рассмотрение аргументации Е. Ю. Кричевского и С. А. Токарева, отмечу лишь, что оба исследователя видели в системах родства отражение реальных общественных отношений.

Однако, отстаивая положения Моргана и развивая их в свете марксистско-ленинского учения, советские этнографы должны были учесть все те новые материалы, которые были получены наукой за 80 лет, прошедших после появления в свет работы Моргана. Как известно, в 60—70-х годах прошлого века, когда Морган собирал свои материалы, этнография и история народов, населяющих Океанию, были почти не изучены. Из сообщений путешественников, посетивших острова Океании, было известно только, что полинезийцы не были знакомы с употреблением железа, не знали лука и стрел и у них не было домашних животных. На этом основании Морган предположил, что полинезийцы относятся к числу наиболее отсталых народов земного шара и что, следовательно, их системы родства должны отражать древнейшее состояние общества. Теперь мы знаем, что общественный строй гавайцев был несравненно более сложен, чем предполагал в свое время Морган⁷. Изучение материальной культуры народов Океании показало их изумительные достижения в области мореплавания; выяснилось, что эти викинги Тихого океана на своих парусных судах достигали границ льдов Южного океана, были превосходно знакомы с направлением ветров и течений и конструкция их лодок с ауригерами никак не может считаться примитивной. На Новой Зеландии при раскопках на большой глубине под отложениями торфа был найден лук, и таким образом было установлено, что некогда полинезийцы пользовались этим оружием⁸. Словом, предположение Моргана о первобытности полинезийцев оказалось ошибочным. В связи с этим, исходя из основных положений марксистско-ленинского учения о развитии общественного производства и форм общества, пришлось пересмотреть предположение Моргана о перво-

⁵ С. А. Токарев, О системах родства у австралийцев (К вопросу о происхождении семьи), «Этнография», 1929, № 1, стр. 24.

⁶ Е. Ю. Кричевский, Системы родства как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен, «Вопросы истории доклассового общества», Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М.—Л., 1936, стр. 327.

⁷ См.: Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1954, № 4.

⁸ См.: E. Best, The Maori, Wellington, 1924 («The Memoirs of the Polynesian Society», т. V).

бытности гавайцев и господствовавших там систем родства малайского типа.

Еще в свое время Энгельс, говоря о первых ступенях развития форм семьи, считал возможным на основании новых данных отметить, что в своих предположениях по поводу древнейшей стадии форм семьи и брака Морган зашел слишком далеко. Большое значение придавал Энгельс изучению различных форм австралийских брачных классов, считая их, наряду с гавайской семьей, одним из источников происхождения рода. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что Энгельс был совершенно прав и что австралийские брачные классы являются той формой, из которой позднее развились различные институты родового общества.

Уже давно отдельными исследователями отмечалось, что малайские черты в системах родства возникают в результате упрощения турано-ганованских систем. Это отмечали в свое время Риверс, Фрэзер, Туривальд, Штернберг. Однако из этих отдельных замечаний не делалось общего вывода о вторичности малайской системы. Из советских исследователей впервые, по существу, поднял этот вопрос А. М. Золотарев⁹. В результате дальнейших исследований выяснилось, что малайская система родства должна быть признана вторичной¹⁰; она возникает в результате распада родовой организации первобытного общества. Малайскому типу системы родства предшествуют системы турано-ганованского типа. Это прослеживается как на примерах этнографии Океании, так и по данным этнографии Африки.

Таким образом, в настоящее время мы считаем, что порядок развития систем родства следующий. Вначале мы имеем австралийские брачные классы. Турано-ганованские системы родства характерны для родового строя и имеют несколько типов в зависимости от его формы. При распаде родовой общины сложная система родовой терминологии, различающая отцовскую и материнскую линии родства и отдельные категории родственников, становится ненужной и исчезает. Упрощаясь, она принимает формы малайской системы, засвидетельствованные у многих народов. Постепенно, с исчезновением различных форм пережитков родового общества, с распадом больших патриархальных семей, создаются системы, названные Морганом «описательными». Название это, в сущности, неудачно, так как системы родства европейских народов в некоторых отношениях имеют более «классификационный» характер, чем системы родства турано-ганованского типа, которые считаются классификационными. Достаточно сказать, что термины, обозначающие дядьев и теток в европейских системах родства, обобщают группы родственников, которые дифференцируются «классификационными» системами турано-ганованского типа. С другой стороны, в терминологии родства этого типа нередко встречается много чисто описательных терминов. В общем можно сказать, что не следует противопоставлять «классификационные» системы «описательным», так как и те, и другие имеют термины обоих типов. Дело в том, что системы родового общества классифицируют родственников иначе, чем системы родства современных европейских народов, которые можно назвать системами, отражающими семейные отношения в классовых обществах. Поэтому, пожалуй, следовало бы говорить о системах родства родового общества в различных их типах и о системах родства классового общества, где родовые отношения исчезли и родственные отношения определяются исходя из отношения индивидуума к группе его ближайших родственников, ограниченной узким кругом семьи. При этом имеется в виду не так называемая большая семья, а малая семья современного общества.

⁹ А. М. Золотарев, Из истории ранних форм группового брака. «Уч. зап. Исторического факультета Московского областного педагогического ин-та», т. II, М., 1940, стр. 144—169.

¹⁰ См.: Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIV, М., 1951, стр. 28—66.

По-видимому, исходной формой общественных отношений, из которой развились позднее системы родства родового общества, были системы брачных классов. Следы этого сохраняются в терминологии родства многих народов, имеющих классификационные системы. Анализ системы брачных классов показывает, что в основе, если не всех, то во всяком случае многих из них, лежали нормы «гиляцкой фратрии».

Я думаю, что после трудов Моргана в области изучения систем родства не было работы более значительной, чем исследование Л. Я. Штернберга по гиляцкой системе родства¹¹. Открытая Л. Я. Штернбергом гиляцкая фратрия в действительности является «идеальной формой семьи пуналуа» и представляет собою родовой групповой брак, где мужья — братья, а жены — сестры между собой. Между тем, согласно определению Моргана, пуналуальная семья представляла собой групповой брак нескольких сестер с мужьями, которые могут и не быть в родстве между собой, или групповой брак нескольких братьев с женами, которые не обязательно должны быть родственницами. Это определение явно ошибочно, потому что в нем допускается наличие каких-то групп мужчин или женщин, не родственных друг другу¹².

Открытие Штернберга показало, что семья пуналуа дает туранскую систему родства.

Нормы гиляцкой фратрии существовали не только среди гиляков, но также у многих народностей и племен Ассама и Бирмы, у батаков, у некоторых племен северной и северо-западной Австралии. Кроме того, эти же нормы обнаруживаются у многих племен и народностей Африки. Гиляцкая фратрия (или нормы трехродового союза) связана с так называемыми асимметричными системами родства. За последнее время на эту тему появилось немало исследований как у нас, так и за рубежом¹³. Так, например, известный французский ученый Клод Леви-Штраус на 29-м конгрессе африканистов в своем докладе, посвященном социальным структурам центральной и восточной Бразилии, пришел к выводу, что в основе дуальной организации или, точнее, как он сам пишет, «позади дуализма и кажущейся симметрии общественной структуры угадывается более основная трехчленная асимметричная организация»¹⁴.

Здесь нет возможности останавливаться на рассмотрении этого весьма специального вопроса. Достаточно отметить, что Леви-Штраус также пришел к заключению о существовании в прошлом трехродовой организации, о чем я писал еще в 1944 г. Несомненно, что ход рассуждений у меня и у Леви-Штрауса различен, но важно, что проблемы гиляцкой фратрии лишь теперь начинают получать должное значение при разработке истории развития систем родства.

¹¹ Л. Я. Штернберг, Гиляки, М., 1905 (Оттиск из журнала «Этнографическое обозрение», кн. 60, 61 и 63). См. также его работу «Социальная организация гиляков» в кн.: Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск, 1933, стр. 129—184, или в кн.: Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933, стр. 60—144.

¹² Л. Я. Штернберг, Турано-ганованская система и народы Северо-Восточной Азии (в кн. «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии», стр. 149).

¹³ Этим проблемам посвящены упомянутые выше работы автора настоящей статьи «Кольцевая связь родов или трехродовой союз» и «Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии», а также — «Из истории семьи и брака» («Сов. этнография», 1947, № 1).

Проблемы связи родов у племен Бирмы и Ассама разобраны в исследовании: В. Рухеманн, The Relationship terms of some Hill Tribes of Burma and Assam, «Southwestern Journal of Anthropology», 1948, т. 4, № 2. В настоящее время проблемами этими занимается Р. Нидэм. См.: R. Needham, Circulating connubium, «Bijdragen tot de Land-, Taal- en Volkenkunde», 1957; см. также: R. F. Salisbury, Asymmetrical marriage systems, «American Anthropologist», 1956, стр. 639—655.

¹⁴ Cf. Lévi-Strauss, Les structures sociales dans le Brésil Central et Oriental, в кн. «Indian Tribes of Aboriginal America. Selected Papers of the XXIX International Congress of Americanists», т. 3, Chicago, 1952, стр. 310.

Итак, становится ясной правота Энгельса, когда он утверждал, что исходным моментом для института рода «могла служить также и австралийская система классов»¹⁵.

Анализ системы австралийских брачных классов — дело очень важное. Анализ этот требует точности терминологии и, конечно, довольно значительной доли терпения. В распоряжении исследователя австралийских систем родства и системы брачных классов имеется немало прекрасных записей; точность их легко проверяется содержащимися в них деталями, которые часто принимались за ошибки. Между тем эти кажущиеся неправильности в действительности являются результатом строгой закономерности, и все дело заключается в том, чтобы понять сущность системы.

Проблема происхождения классификационных систем родства туранганованского типа или, как следовало бы сказать точнее, различных типов систем родства родового общества, нуждается в анализе систем брачных классов Австралии и Меланезии. Изучением их занимался ряд исследователей, но многие из них в значительной степени запутывали вопрос. Так, совершенно ошибочной оказалась теория геронтократии, придуманная Риверсом и развивавшаяся в работах его учеников и последователей (Б. Зелигманн и др.). Для объяснения системы родства острова Рага Риверс сконструировал совершенно необычные формы брака, якобы существовавшие в этом обществе, вроде браков дедов с внуками, браков мужчин с женами сыновей сестры, с женами братьев матери и т. п. В действительности все эти случаи объясняются гораздо проще. Ю. М. Лихтенберг в своем исследовании о системе родства острова Рага выявила, что в основе этих брачных норм лежат принципы гильяцкой фратрии¹⁶. В своих дальнейших работах Ю. М. Лихтенберг, анализируя брачные нормы и системы родства австралийских племен, показала, что в терминологии родства отразились различные древние нормы, пережиточно сохраняющиеся в отдельных терминах. Существующие в терминологиях родства так называемые взаимные термины отражают прежние брачные группы, или брачные классы, число которых не извечно. Так например, у племени мурнгин прежняя восьмиклассная система сменилась семиклассной. На острове Амбрим в результате исчезновения двух классов восьмиклассная система превратилась в шестиклассную и т. д. Все эти изменения при сохранении прежней терминологии родства, основанной на наличии восьми классов, естественно, приводили к кажущимся аномалиям.

На основании внимательного анализа австралийских систем родства Ю. М. Лихтенберг пришла к выводу, что эти системы являются результатом долгого исторического развития. По-видимому, некогда существовавшие матрилинейные и матрилокальные группы видоизменили свой состав и перешли к патрилокальности, а затем и к патрилинейности, в результате чего вся терминология родства и названия брачных классов усложнились. Неизбежным результатом изменения прежних родовых отношений было также появление, наряду с групповыми терминами, и индивидуальных терминов родства. К слову сказать, различение этих двух групп терминов — необходимое условие правильного анализа систем родства. Между тем именно в этом вопросе, как уже указывалось, много погрешили прежние исследователи (в том числе и сам Морган), которые не были достаточно точными в разграничении индивидуальных и групповых терминов.

В этой краткой статье я не имею возможности подробно остановиться на работах всех этнографов, изучавших системы родства за последние 40 лет, и ограничиваюсь рассмотрением основных проблем, связанных с

¹⁵ Фр. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 40.

¹⁶ Ю. М. Лихтенберг, Система родства острова Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии, «Сборник Музея антропологии и этнографии», XII, 1949, стр. 254—276.

изучением систем родства. Однако было бы упущением не отметить, что в наше время, в связи с размахом экспедиционных исследований, было собрано много материалов по системам родства ряда народов Советского Союза. Достаточно указать на работы Н. П. Дыренковой, Л. Э. Каруновской, Л. П. Потапова, С. М. Абрамзона, Т. А. Жданко, К. Л. Задыхиной, Н. А. Кислякова, Н. К. Каргера, Н. А. Липской, А. Ф. Анисимова, А. А. Попова, Г. М. Василевич, Е. Д. Прокофьевой и многих других. К сожалению, большинство работ, в которых содержатся записи систем родства, рассеяны по разным, часто труднодоступным местным изданиям. Между тем несомненно, что многие системы родства народов Средней Азии имеют черты сходства с системами типа «омаха», на что до сих пор не обращали внимания и что в литературе еще не отмечалось. Было бы очень полезно, если бы Институт этнографии предпринял издание записей систем родства народов Советского Союза, в частности тюркоязычных народов, системы родства которых до сих пор не были предметом сравнительного изучения как с лингвистической точки зрения, так и со стороны этнографического значения их.
